

A vintage typewriter is shown from a top-down perspective, set against a light-colored, textured background. The typewriter is dark with brass accents. The text is overlaid on the upper part of the machine.

Виктор
МУДРОЛЮБОВ

Ненужные
СТИХИ

-СКИФНЯ-

Виктор Мудролюбов

Ненужные стихи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57453261

Ненужные стихи: Издательско-Торговый Дом «Скифия»; Санкт-

Петербург; 2020

ISBN 978-5-00025-099-0

Аннотация

Новое издание книги петербургского поэта Виктора Мудролюбова, избранное из его многолетнего творчества.

Содержание

Стихи прошлых лет	4
Воздушные замки	4
Из цикла «ГЛАДИАТОРЫ»	6
Сирены	8
Последнее слово для любви	9
Вавилон	11
Саше	13
Ненужные песни	15
Двадцатый век	20
Памяти Ван-Гога	22
Та женщина	23
Отдай эпохе	24
Прощайте, письма	28
Прости вам, жизнь	29
Оглянись	30
Начало поэмы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

одичавшими без людей.

Мы приходим в такие дворцы,
чтобы прикоснуться к знакомым лицам.

Здесь давным-давно

никого нет,

и старые дворы

переполнены серыми скелетами листьев.

И мы выбегаем из этих нелепых развалин
на площади,

где плещется солнце,

бьющее через край.

И снова возводим

воздушные замки.

А зачем?

И сами не знаем...

Лето 1961, Молдавия

Из цикла «ГЛАДИАТОРЫ»

1

И были храмы как пожары.
И, как про жаркую весну, —
кричали трусы про пощаду,
раскинув руки по песку.
И ты вошла и всех простила,
за то, что все хотят любить,
за то, что счастья не просили,
(просили – просто не убить),
за то, что день пойдет на убыль,
и ты забудешь нашу кровь,
и похоронят наши губы
под безымянною горой.

2

Проходили гунны по Риму,
проходили грузные танки,
и большие птицы парили.
Потому что война настала.
Потому что устали кони,
не осталось могил в запасе,
остались только иконы
для пропавших и просто павших...

Только – волчья песня о горе,
только вдовы плачут ночами,
только травы вступают в город.

Чтобы все

повторить

с начала.

Лето 1962, Эстония

Сирены

Всхлипы...

И вдруг —
а глаза все круче и круче —
отпечатан на скалах
оскал зубов.

Как молили они,
как метались
в безвыходном круге!

О возьми, Одиссей!

О! Возьми с собой.

Тело мое, о, как параллельно мачтам,
ты привязано к миру
веревками в десять рядов!

Как безумно
белками навывате

остров маячит...

и уже не дойти,
не достичь,
не достать рукой.

Ноябрь 1962

Последнее слово для любви

Земля моя!

Кругом.

С восьми километров.

Какие там реки —

в мизинец длиной!

Земля моя!

Песня. —

Четырежды мерным

в четыре пропеллера

рейсом домой.

Прощай,

я сегодня оглохну от бури,

ослепну

от солнца

на уровне глаз

и просто примыслю

твои атрибуты:

березы, как точки,

и горы в ногах.

Я выберу город —

огнями на север,

усталый автобус —

крутить и качать,

спокойную память,

спокойное сердце.

Останутся

руки —

дрожать в рукавах.

Ноябрь 1962

Вавилон

С чего началось?

Лес вырубали.

Равняли озеро.

Плеск —

в лес.

Заложен фундамент.

И вот — башня,

Роскошь конструкций.

Блеск.

Блеф.

И тогда передрались:

кому —

выше!

Тугие белки наливала удаль.

Орали:

НОСОМ

не вышел!

Впивались ногтями:

Иуда!

Ты бежал.

Ты ставил рекорды в беге.

Камни в спину.

Сотни.

Тысячи лет.

И стучал телеграф:

Бейте!

Беглый еврей.

Жулик.

Подлец!

Протыкали тела

лагерями,

взглядом.

Убивали,

улыбались:

что, больно?

Разбивали лбы.

Очнулись. —

Ладно.

И назвали:

равенство,

свобода.

Ноябрь 1962

Саше

Ты проходишь насквозь
этот город и годы и метры
по трамвайным следам,
по зеленым рефлексам реклам.

От кольца до кольца —
промежутков

почти незаметный,

ничего не успеешь...

сегодня ты просто солдат

с голубыми глазами,

сегодня ты понял впервые,

как печально любимое имя звучит по складам.

Понимаешь,

такая смешная привычка... —

перед тем как проститься,

подолгу стоять на углах

и гадать по снежинам,

если четное,

значит, не выйдет,

значит, завтра опять

уходить одному наугад

через город

и годы

и метры.

Декабрь 1962

Ненужные песни

1

Ты только колдунья,
ты так нагадала,
ты так наказала
ни за что, ни про что.
А память твоя
как книга для жалоб,
пиши сколько хочешь —
никто не прочтет.
Не вместе, а рядом
мы шли по дороге,
эта дорога
никуда не вела,
и только случайно
была ты дороже
и лучше других
случайно была.
Ты только колдунья,
ты так нагадала,
ты так наказала
ни за что, ни про что.
А память моя
как книга для жалоб,

пиши сколько хочешь —
никто не прочтет.
Я все позабуду,
закончены счета,
и на юг и на север
раскрыты пути.
Ты совсем не колдунья,
ты просто девчонка,
ты хотела остаться,
а нужно уйти.

Лето 1963

2

По асфальтам городов,
по травам
незамысловатые следы
наши,
существующий порядок
заставляет нас играть в пятнашки,
бегать по все Земле,
желтые листья мять.
Дело идет к зиме.
Здравствуй, моя Зима!

По асфальтам городов,

по травам

не пересекаются следы

вовсе,

существующий порядок

обещает массу удовольствий —

целую жизнь искать,

сентиментально ждать.

Дорога к тебе узка,

как острие ножа.

По асфальтам городов,

по травам

временем засыпаны следы

наши,

существующий порядок

разрешает встретиться однажды.

Солнце не греет в долг,

от холода пальцы дрожат.

Время меня ведет

по острию ножа.

Февраль 1965

3

Кто из богов Земли

встречу благословил?

Видишь, как я спешил —
сердце мое в пыли,

видишь, принес дары:
этот простой мотив,
старые башмаки,
стоптанные до дыр.

Что из моих чудес
ты у меня возьмешь?
Может быть, ночь и дождь
или зеленый лес?

Каждому на веку
выделена судьба,
я не держу тебя,
знаю, что уведут.

Знаю, придется мне
вслед за тобой идти,
этот простой мотив
спрятать до лучших дней.

С разных сторон Земли
письма тебе пишу,
видишь, как я спешу —

сердце мое в пыли.

Лето 1966

Двадцатый век

На моей философии
отпечатки монет,
башмаков волонтерских
на военный манер.

Изрубили подковами,
налатали заплата,
и ломалась под корень
сырая земля.

И не птичья артель
по утрам верещала —
полотном Верещагина
громоздился апрель,
и дышала над ним
трудно

с хрипом гриппозным,
как река Анадырь —
всенародная польза.
Но – цветами венчают скупые кресты,
и про новое счастье
кричат цветы,
и на летней, на гладкой,
на проклятой земле —
красота ненаглядная

вырастает взамен.
...Так полна опечаток
биография века.
Позолочена сверху
для партнеров по счастью.

Январь 1965

Памяти Ван-Гога

...И вся,

как взмах руки перед ударом,
как проливная мартовская ночь.

Сорву ярлык

«НАЗНАЧЕНО К ПРОДАЖЕ»,

пойду насквозь и встану под окном.

Лицо – дождю, и грешником веселым
приплясывать, шататься и шептать...

Но где предел восторженного слова
и в чем твое начало, нищета?

Я не смогу отречься от причины,
сгоревшее бессмысленно тушить.

Еще один

безвестный день прочитан
и отдан букинисту за гроши.

Осень 1964

Та женщина

Та женщина входила в нашу жизнь,
дарила ей звучание органа
и так легко разыгрывала гаммы,
как будто с детства обучалась лжи.
Откуда эта техника бралась
и сила – покушаться на основы,
в какие неразгаданные ноты
она скрывала призрачную власть?

Я не пройду по улице твоей,
не положу к ногам скупые слезы,
нас метит жизнь, как белые березы,
и сок течет по лезвиям ножей.

Отдай эпохе

*...головы можно деформировать,
придавая им желательную форму,
например форму пилотки...*

Отдай эпохе на закланье сына,
смышленного и шустрого мальчишку,
который для борьбы пришел на Землю
под барабанный бой весенних бурь.

Отдай эпохе на закланье бога,
пока он лишь по комнате гуляет,
пока он лишь простое слово «мама»
умело сочиняет по складам.

Отдай эпохе на закланье гений,
который, может быть, создаст поэму,
а может быть, расколется мир на части,
как перезрелый греческий орех.

Он столько лет на ниточке держался,
подобно позолоченным орехам,
которые всегда висят на елке

среди игрушек, ваты и свечей.

На этот раз игрушки уцелеют,
еще не время встать на табуретку
и липкими от сладостей руками
красивые орехи оборвать.

Еще не время.

Мальчики возводят
макет цивилизации на пляже,
и служит созидательным порывам
великолепный северный песок.

Но посмотри:

макет забрызган кровью,
и падают и падают солдаты
с разбитыми пустыми черепами
игрушечными лицами в траву.

Над ними плачет северное небо,
а жизнь полна открытий и загадок
и сделана как будто специально
для детских «почему» и «отчего».

И мальчики идут неровным строем
В смешных фуражках, форменной одежде

коряво выводить большие буквы
на старой чисто вымытой доске.

Им объяснят, что дважды два – четыре,
что Родина достаточно прекрасна,
что неприлично нарушать порядок,
а слово «смерть» они поймут потом.

Еще не время, белый пух ложится
на старые садовые скульптуры,
и круто пахнет солью и гранитом
спокойная приморская зима.

Но тяжкий груз несут по кругу стрелки.
Спешит эпоха вырастить мальчишек,
уже никто не скажет: вот мальчишки, —
когда они по улицам идут.

Они вступают в город чинным строем
в смешных пилотках, форменной одежде,
и мальчики бегут за ними следом,
и женщины затравленно глядят.

Над ними небо дождь мешая с кровью,
и падают и падают солдаты
с разбитыми, как надо, черепами

мальчишескими лицами в траву.

Отдай эпохе на закланье сына,
отличника, педанта и тихоню.
Он будет показательным солдатом
на зависть всем соседкам по двору.

Он будет убедительным примером
слепого исполнения приказов.
Эпоха любит, чтобы ей служили,
Не зная «почему» и «отчего».

Отдай эпохе на закланье гений,
подумаешь – одной поэмой меньше,
одним героем больше —
так надежней! —
эпохе нужно множество солдат.

Она ему на грудь привесит орден,
объявит благодарность перед строем,
а напоследок выделит бесплатно
два метра превосходнейшей земли.

Январь 1966

Прощайте, письма

Сжигает вас огонь неторопливый,
какая грусть из-за угла напала.
Я вам дарю свой год неповторимый,
двенадцать беспорядочных на память.

От песни остается привкус песни,
подобие осенней паутины.
Да здравствует ваш голос петушиный,
мои эпистолярные успехи...

Прощайте, неудачливые птицы,
вам не найти ни улицы, ни дома.
Так пусть хотя бы ярко и недолго,
пусть вам легко и вовремя горится.

Май 1967

Прости вам, жизнь

Я спрашиваю вас, какая ложь,
какое счастье вас приворожило?
Дороги ваши пыль запорошила,
ни силы, ни желанья не нашлось.

Кого винить, кому грозить расплатой
за этот незаслуженный покой,
за то, что будни держат мир распятым
под будничной железною пятой.

Прости вам, жизнь, такое новоселье
от времени и места в стороне,
прости и пустоту и невезенье,
прости, что нет врагов и ближних нет.

Прости вам, жизнь...
Так мало на планете
случайного весеннего тепла.
И только по ночам в огромном небе
огромным майским звездам нет числа.

Апрель 1967

Оглянись

Ты оглянись —
вокруг тебя
проходят стада зверей,
и каждый жаждет крови твоей.

Как полагается по Ветхому Завету —
око за око,
зуб за зуб.

Окна тряпичной броней завешу
и в дальний угол жить заползу.

Так учили с первого крика:
кесарю – кесарево,
тебе – твое.

Но главным уроком
было открытие —
убит за смех

Франсуа Вийон.

Он жил, как верят
в большого бога,
до самого дна принимая боль.

Он так смеялся, что было больно,
смеялся над всеми,

кто царь и бог.

Нелепо думать,
что время смоет,
что горе эпохи —

эта казнь.

На нас сухими глазами смотрит
его насмешливая тоска.

Теперь попробуй,

если хватит,

такую правду в себе добыть,
когда

скорее умрут, чем хвалят
тупую силу

вождей толпы.

Но не избавиться от привычки —
голову в плечи, когда пора,
когда не победу в борьбе предвидишь,
не славу,

а мертвую сталь топора.

И пусть твои зеленые смотрят
легко и прямо, как на любовь,
уже оскалены волчьи морды,
и когти хищников над тобой.

Ты оглянись,

вокруг тебя

проходят стада зверей,

и каждый жаждет крови твоей.

Начало поэмы

Микалоюсу Константинасу Чюрленису

*...И тогда он подумал —
с такой большой горы
я сразу увижу всю эту
планету и всех людей...*

1

Обживаю квартиру,
слова по местам расставляю.

Обживаю.

От холода – паром дышу.

Это древняя тяжба.

Я реставратор.

Я древнюю тяжбу,

как разбитую амфору,
на ладонях держу.

Я смотрю на портреты всех,

инерцию преодолеваю,

обживаю шаткий,

бумажный дом,

и сидит головастик,

дует на одуванчик

на бугре

в Каунасе, в доме твоём.

Одиноко. Ночь.

Одиноко стучат составы.

Одиноко режут изюбры

в тайге.

Одиноко растут горы.

Закрывают ставни.

Ни один человек

не думает о тебе.

Нужно вспомнить,

какая была пропорция

кожаных туч и солнечного тепла,

и какая сказка

шла по просеке,

одиноко,

неизбежно, как время, шла...

А там, на востоке

уже блестят декорации,

надевают парики,

накладывают грим,

и розовый фронт

над статистами куражится.

Начинается

первое действие

большой игры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.